

Sheber. The body and rituals

Галым Маданов и Зауреш Терекбай

Гульнур Мукажанова

Жанна Нугербек

Kokonja

Меруерт Кунакова

Нурбол Нурахмет

Сержан Баширов

В работе китайских художников Сунь Юань и Пэн Юй, показанной на биеннале в Венеции в 2019 году, машина-робот завораживающе безуспешно пытается убрать лужу крови. Здесь хорошо схвачена тревожность о будущем ручного труда в нашем все более автоматизируемом и глобализующемся мире, но вместе с тем мы видим и некий «кровный» остаток, который невозможно автоматизировать.

Смотря видео-документацию работы, я вспоминаю о моем прадеде. Он был ремесленником. Прадед создавал лучшую в своей среде конскую сбрую, седла, шил и расписывал свадебные платья и украшения. Я знаю о нем из воспоминаний моей апа Жамал. Она рассказывала разные истории о нем и его мастерстве. Особенное место в моих детских воспоминаниях занимают курьезные истории из его жизни. Например, однажды аул перекочевал без него, потому что никто не хотел будить его, но старейшина аула всегда в таких случаях оставлял для прадеда лошадь на привязи и помощника, чтобы он мог сам доехать до зимовья или летовки. Еще он был фрилансером своего времени – то есть его время не было структурированным, как у большинства людей того общества, он мог спать сколько хотел, никуда не опаздывал и работал, когда хотел, а главное не сильно зависел от количества заказов, и, если какой-то заказ был ему не по душе, он мог отказаться, и это касалось даже влиятельных людей аула. В истории моего прадедушки нам приоткрывается структура традиционного, а потом и модернизированного, казахского общества: почти в каждой семье был свой шебер, мастер, обладавший навыками ручного труда.

Фигура ремесленника должна была, казалось бы, сойти со сцены после промышленной революции, потому что на первый взгляд ручному труду нет места в наше время массового конвейерного производства, китайских фабрик и марок-гигантов. На сцене истории новая экономическая ситуация, а вместе с ней новые герои и новые авторитеты. Но дела обстоят иначе – ручной труд не исчез и не останавливался в своем движении и развитии. Это видно по общественному запросу на старину и историю, который переживает новое возрождение: достаточно окинуть беглым взглядом рынок, и мы увидим поп-ап сторы, инстаграм магазины, секонд-хенды, где продают винтажные, штучные украшения, мебель, одежду от местных дизайнеров и мастеров, а молодые люди наряду с ультрасовременной техникой хвастают последними находками в антикварных магазинчиках.

Ручной труд сегодня является так же неотъемлемой частью художественного производства в современном искусстве: изготовленные предметы искусства, скульптура продолжают существовать в симбиозе с мультимедийными произведениями. Это видно в работах участников выставки. Вглядываясь в нашу развивающуюся область современного искусства, в которой пока нет стабильного заказа и широкого спроса, я вижу, что зачастую именно навык ручного труда поддерживает художников в отдельные периоды. А сколько еще существует таких областей, не подвластных автоматизации?

Эта новая ситуация, в которой автоматизированный и ручной труд сплетаются, этот самый «кровный» остаток и являются предметом интереса и исследования нашей выставки. В ходе подготовки мы постарались понять, как выглядит рынок предметов штучного ручного производства в массовом обществе, в каких областях нашей жизни он существует, а в каких преобладает, и какое место ручной труд занимает в художественном производстве. Главным фокусом выставки является фигура художника-мастера: его опыт и ритуалы, методы и инструменты.

Мы постарались выбрать предметы и структурировать экспозицию выставки таким образом, чтобы дать ответы на эти вопросы и вместе с тем погрузить зрителя в мир тактильности, фактуры и цвета.

Асель.